

«О тирании» Лео Штрауса*

Эрик Фёгелин

Аннотация. В рецензии на книгу Лео Штрауса «О тирании», вышедшей в одном из ведущих американских журналов по политической теории, Эрик Фёгелин, указав на высокое значение текста своего оппонента, позволил себе не согласиться с несколькими ключевыми выводами Штрауса. Особенно его заинтересовала тема сравнения «древней» и «современной» тирании, а также идея Штрауса о том, что текст «Гиерон» роднит древнюю и современную политическую философию, так как «тираническое учение» Ксенофонта, автора «Гиерона», очень близко учению Макьявелли, изложенному в «Государе». Фёгелин замечает, что на самом деле эта мысль не совсем верна, и учение Макьявелли посвящено не точно такой же проблеме, какой был посвящен текст Ксенофонта, потому что тексты создавались в разных исторических контекстах. Главная задача — понять современную тиранию, но, говорит Фёгелин, этого не произойдет, если мы, как Штраус, будем считать, что древняя и современная тирания — суть одно.

Ключевые слова. Лео Штраус, тирания, царь, правитель, вооруженный пророк, современность, древность, цезаризм, Ксенофонт, Макьявелли, политическая философия, эзотеризм.

Ядром книги «О тирании» профессора Штрауса является анализ диалога Ксенофонта «Гиерон», поэтому её можно считать вкладом в историю политической мысли. Кроме того (особенно это характерно для введения), книга содержит ряд рассуждений о тирании в древности и современности, различиях между древней и современной политической наукой и о связях между «Гиероном» и «Государем» Макьявелли как полюсах античного и современного подходов к проблеме тирании. Данное обстоятельство оправдывает более общий заголовок¹, избранный автором для своей работы.

Интерпретация «Гиерона» — самое ценное достижение Штрауса. Несмотря на то, что диалог является единственным античным исследованием собственно тирании, он практически забыт, как и многие другие работы Ксенофонта, находящегося в тени великого Платона. И хотя Штраус едва ли опровергнет общее мнение, что Ксенофонт не был глубоким мыслителем, его анализ определенно приведет к пересмотру этого суждения, учитывая психологическую тонкость греческого мыслителя и его способность к построению композиции. «Гиерон» — беседа между тираном Гиероном и поэтом Симонидом о сравнительных достоинствах жизни тирана и частного лица. В

---

* Перевод с англ. К. Колкуновой под ред. А. В. Павлова. Источник: Voegelin E. (2001). The collected works of Eric Voegelin. Vol. 13: Selected book reviews. Columbia: University of Missouri Press. P. 168–174.

© Колкунова К., 2011

© Павлов А. В., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. Древнегреческая тирания, с точки зрения Фёгелина, — отнюдь не то же самое, что «тирания современная». Именно поэтому он делает особый акцент на том, что Штраус дал своей книге «широкий заголовок», хотя писал главным образом о древнегреческой тирании. — *Здесь и далее примечания, включая ссылки, принадлежат научному редактору.*

отличие от традиционного распределения ролей в платоновских диалогах, в данном случае тирану предъявляют обвинение в тирании, в то время как мудрец утешает несчастного и предлагает средства, чтобы сделать его правление добродетельным², а его самого — любимым людьми. Штраус в своем исследовании делает акцент на драматических сторонах диалога. Он демонстрирует, как мудрец, контролирующий ситуацию с самого начала, принуждает Гиерона стать критиком тирании и приводит его к заключению, что только самоубийство может избавить от невыносимого положения, а затем сообщает принципы, которые сделают бывшего тирана счастливейшим из людей, поскольку тот сможет удерживать власть, не вызывая ненависти и презрения. Эта интерпретация, основывающаяся на безупречной эрудиции, может стать моделью анализа. Ее можно рекомендовать любому политическому ученому, ведь историография политических идей слишком часто воспринимается как задача критического осмысления идей мыслителя, без их адекватного уяснения.

Учитывая систематический характер размышлений, критика у Штрауса оказывается в невыгодном положении. Эти размышления, охватывающие широкий круг явлений, изложены столь сжато, а порой и столь эзотерически, что вероятность непонимания идей Штрауса становится высока. Со всеми возможными извинениями за ошибки, которые могут возникнуть, скажу, что проблема, более всего интересующая автора, — свобода интеллектуальной критики при тираническом правлении. Мы живем в эпоху тирании, следовательно, представляет интерес не только то, что древние говорили о ней, но, возможно, в еще большей степени то, как они могли говорить что-то, при этом не будучи убитыми. «Гиерон» полон поучительных идей, касающихся этой проблемы, и Штраусу удастся указать на его уроки. Свобода критики тесно связана с необычной ситуацией: мудрец дает советы тирану. Тирания рассматривалась сократовским кружком как ущербная форма управления. В «Гиероне» мудрец дает советы для практического усовершенствования теоретически предосудительной формы. Он «сотрудничает» с тиранией. В своем исследовании этой проблемы Штраус делает любопытные наблюдения об отношении мудреца к гражданской свободе, а также о возможном конфликте между свободой и добродетелью при тирании. Весьма убедительно его предположение, что Ксенофонт верил аргументацию за благую тиранию Симониду, поскольку тот — «чужой» в городе, в то время как тиран Гиерон, обвиняющий тиранию, в какой-то степени разделяет добродетели граждан. А важнее всего указание на то, что Платон переложил обсуждение проблематичного характера власти законов в «Политике» на плечи Чужестранца, тогда как гражданин Афин Сократ лишь сохраняет молчание.

Начиная с этого момента, мы рискуем не согласиться с рассуждениями автора. В изложении Штрауса мы упускаем истинную оценку того факта, что для Ксенофонта, как и для Платона, проблема тирании уже стала исторической необходимостью, а не только темой для теоретической дискуссии. Сократовский кружок мог называть тиранию ущербной формой государственного устройства, но это не меняло того, что полисная демократия вырождалась до тех пор, пока «тирания» не стала неизбежной

---

2. В тексте «Beneficent». В книге Штрауса употребляются и «благодетельная», и «добродетельная» тирания. См.: Штраус Л. (2006). О тирании / пер. с англ. и древнегреч. Л. Л. Россиуса, пер. с франц. А. М. Руткевича. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 116, 117.

альтернативой демократии, которая уже не могла функционировать эффективно. В сумраке смены форм государственного управления, которое в терминах последующих событий было названо «цезаризмом», категория тирании теряет значение там, где власть закона является реальной альтернативой данному режиму. Я бы предположил, что значительная часть загадок «Гиерона» проистекает из факта новой политической ситуации, обсуждаемой в терминах тирании, поскольку нового словаря, более подходящего для новых проблем, еще не выработали. От внимания Штрауса не ускользнуло, что во второй части диалога Ксенофонта терминология незаметно меняется. Симонид больше не говорит о тиране, а использует термин «правитель»³. Смена терминологии кажется мне не просто проявлением некоей предусмотрительности: скорее она указывает на глубинную теоретическую потребность в отказе от неадекватного понятия.

Поскольку мы уже вспомнили о Чужестранце из «Политика», я бы также хотел обратить внимание на то, что этот диалог является третьей частью трилогии, в знаменитом отрывке первой части которой, «Теэтете», Сократ отклоняется от темы разговора⁴, характеризуя положение философа как существование человека, который может жить в своем городе лишь телом, но не душой. Возможно, это самая впечатляющая метафора сумерек гражданской жизни, после чего на свет в «Политике» выходит фигура царствующего правителя, но не тирана.

Эти размышления принуждают к пересмотру ряда проблем, поднимаемых Ксенофонтом. Штраус противопоставляет «Киропедию», в которой отражается образ идеального царя, «Гиерону», в котором отражается образ тирана: оба этих сочинения повлияли на «Государя» Макьявелли. Это противопоставление, на мой взгляд, не исчерпывает всей проблемы. Ведь в определенном отношении «Киропедия» и «Гиерон» находятся по одну сторону: главным мотивом «Киропедии» является поиск стабильной системы правления, которая положит конец постоянным свержениям демократий и тираний в эллинистических полисах; в конечном счете племена и народы заставляют подчиняться Киру не добродетель и рассудок, но «страх и ужас», которые он внушает. Оба труда в основе своей отражают историческую проблему поиска новой формы правления, и, возможно, лишь отсутствие адекватного словаря заставляет оба варианта — идеальный царь и усовершенствованный тиран — выглядеть большими антагонистами, чем они являются на самом деле.

Это предположение будет выглядеть достоверным, если мы обратим внимание на проблему параллели идей Ксенофонта и Макьявелли, на которую и указывает Штраус. Если я правильно понял его мысль, между «Гиероном» и «Государем» он видит *tertium comparationis*⁵, тенденцию к стиранию в обеих работах грани между царем и тираном. В «Государе» данная тенденция приобретает совершенно современный характер, так что эта книга становится одним из «глубочайших корней современной политической мысли»; именно для того, чтобы лучше понять эту сторону современной политической мысли, Штраус считает, что обращение к «Гиерону» «будет очень

3. Штраус, 2006: 120.

4. Имеется в виду интермедия Сократа о «повивальном искусстве». См.: Платон. (1994). Теэтет / пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Мысль. С. 199–203.

5. Третий член сравнения (лат.).

полезно, а может быть, и необходимо»⁶. По моему мнению, такое сравнение имеет безусловное значение для понимания и Ксенофонта, и Макьявелли, но также, на мой взгляд, оно нуждается в том, чтобы его сформулировали заново. Мне представляется несущественным указание на то, что в обеих книгах мы встречаем момент самого близкого контакта между «древней» и «современной» политической мыслью. Безусловно, такой контакт имеет место, но связан он с тем фактом, что и Ксенофонт, и Макьявелли занимали в своих обществах позицию «современных» мыслителей. То есть параллель между мыслителями является следствием параллели между двумя историческими ситуациями. Различие между правителем и тираном для Макьявелли стирается постольку, поскольку он, как и Ксенофонт, сталкивался с проблемой стабилизации и обновления правления после упадка форм устройства города-государства; Макьявелли, как и Ксенофонт, искал тип правителя, лежащий за пределами пары царь-тиран, которая имеет политическое значение лишь до окончательного распада республиканского режима правления.

В отличие от Ксенофонта, Макьявелли повезло найти имя для созданного им нового типа правителя. Он использовал выражение *profeta armato* — вооруженный пророк; и его появление связано (помимо Ромула, Моисея и Тезея) именно с ксенофоновским Киром, которого как совершенного правителя Штраус противопоставил тирану Гиерону. Фигура сицилийского тирана оказалась слишком слаба для ноши спасителя/государя, которую Макьявелли хотел возложить на плечи нового правителя. Сложносоставная фигура вооруженного пророка в большей степени напоминает платоновского царствующего правителя из «Политика», чем кого-то из текстов Ксенофонта. Стоит упомянуть, что уничтожение старых различий скорее является результатом попыток создать новый тип главы государства. В этом новом типе Макьявелли дает и хорошей королевской, и плохой тиранической стороне появиться вновь, поскольку отличает «государей», чьи действия вдохновляются *virtu ordinate*⁷, ведущей их к необходимому социальному порядку, и тех, чьи *scelleratezze*⁸ мотивируются исключительно жадой личной власти. Тем самым Макьявелли совершил теоретическое открытие, создав концепцию правления в «постконституционной ситуации». Кроме того, он провел различие хороших и плохих вариантов правления в рамках новой ситуации, напоминающих разницу между царем и тираном в «конституционной ситуации». Ксенофонт же, напротив, совершил всего лишь переход от термина *тиран* в первой части диалога к термину *архонт*⁹ во второй.

Чтобы поставить точку в обсуждении этой проблемы, стоит обратить внимание на то, что влияние Ксенофонта на «Государя» Макьявелли обнаруживает себя опосредованно, о чем Штраус не упоминает. В свое время образ государя у Макьявелли не был оригинальным. Его следует воспринимать на фоне «зеркала нового государя» — тип, широко распространившийся во второй половине XV столетия в связи

---

6. Штраус, 2006: 66.

7. Основной добродетель (лат.).

8. Злодеяния (лат.).

9. Архонт (др. греч. ἄρχων — начальник, правитель, глава) — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах.

с событиями на Ближнем Востоке; например, на фоне «*Vita Tamerlani*»¹⁰, созданной Поджо Браччолини и обработанной Энеа Сильвио. Макьявелли наиболее полно изобразил государя-спасителя в «Жизни Каструччо Кастракани из Лукки», которую сложно представить себе без стандартизированной модели «*Vita Tamerlani*». В качестве образца жизнеописание Тимура используется — помимо юности Моисея и Тезея в изложении Геродота — ксенофоновский Кир, в особенности же безжалостный Кир-завоеватель из глав 1, 4–5 в «Киропедии» — Кир, который подчиняет себе людей устрашением. Эта линия ксенофоновского влияния особенно интересна для штраусовской проблемы тирании, поскольку через «*Vita Tamerlani*» в классический образец «постконституционного» завоевателя и правителя проникла неклассическая концепция нового правителя как мстителя за злодеяния испорченных людей, идея правителя как *ultor peccatorum*¹¹. Этот новый фактор, объединенный с элементами из работ Ксенофонта, также обнаруживается у Макьявелли в «Жизни Каструччо», а кроме того, в апокалипсических чертах вооруженного пророка из «Государя», особенно в последней главе. Духовная, апокалипсическая сторона нового правителя не является ни «древней», ни «современной»; это западное и христианское понимание, которое противостоит эллинистическому и языческому. «Современность» макиавеллевского государя приобретает особую ценность из-за поглощения таких средневеково-христианских атавизмов, как иоахимитский *dux*, дантевское *veltro* и реализации этих идей в спасителе-трибуне Риенцо¹². «Современная тирания» останется для нас неясной, пока мы не осознаем должным образом тот факт, что это явление западного, а не эллинистического общества, и следовательно, оно нагружено традицией, идущей от средневекового и ренессансного Параклета¹³ к секуляризованному сверхчеловеку XIX столетия и далее. Такого рода проблемы не обнаруживаются ни у Ксенофонта, ни где-либо еще в греческой цивилизации до эпохи Александра Великого, за исключением уже упомянутого царствующего правителя в платоновском «Политике».

Несмотря на это, есть момент, на основании которого можно говорить о довольно специфическом влиянии «Гиерона» на Макьявелли. Он касается *contemptus vulgi*¹⁴. Одна из лучших частей анализа Штрауса посвящена тонкой градации категорий людей в «Гиероне». Напомним, что диалог начинается с вопроса о сравнительных достоинствах жизни тирана и жизни частного лица. Затем, в ходе разговора, возникают нюансы: говорится и о других лицах — «аристократе», «справедливом муже», «храбрце», «мудреце», «реальном человеке»¹⁵. За исключением этих типов и их возможных сравнений с жизнью тирана, остается социально значимый тип, который сам тиран встречает в массе; несколько неопределенное, словно полинявшее существо, которое,

10. «Жизнь Тамерлана».

11. Мстящий грешникам (лат.).

12. Кола ди Риенцо (1313–1354) — итальянский политический деятель, уроженец Рима. Он неоднократно возглавлял Рим, провозглашая город «республикой», а себя — «трибуном свободы, мира и справедливости». Однако хотя Кола ди Риенцо и был популярным, в период последнего правления Римом он использовал тиранические методы, чем вызвал восстание населения Рима, во время которого и был убит. Ко всему прочему необходимо добавить, что он был страстным почитателем античности.

13. Т. е. человек, посланный в утешение.

14. Презрение к низкому люду (лат.).

15. См.: Штраус, 2006: 163.

несомненно, может управляться различными влечениями и страхами, наградами за хорошее поведение, а также аргументированным убеждением. Совет тирану по поводу этой проблемы и предполагаемое презрение к человеческому стаду¹⁶, как указал Штраус, находят примечательные параллели в соответствующих главах «Государя». Влияние «Гиерона» на Макьявелли, возможно, именно здесь ощутимее всего, учитывая взгляд на человека из толпы, который неспособен к самоуправлению и поэтому делает новый тип правителя исторически необходимым.

Мы обсудили значительное количество проблем, но до сих пор не исчерпали богатства этого компактного издания. Надеемся, теперь стало ясно, что книга Штрауса — это нечто большее чем просто заслуживающий внимание вклад в систематическое изучение проблем политической теории. Каждый политический ученый, пытающийся выпутаться из современных заблуждений, касающихся проблем тирании, будет чрезвычайно рад этому труду и неизбежно станет использовать его в качестве отправной точки в своих исследованиях.

Книге Штрауса предшествует замечательное предисловие пера Элвина Джонсона. Этот выдающийся ученый и преподаватель обращает внимание на близость Ксенофонта и Америки. Как и американцам, Ксенофонт «не удастся увидеть вещей, которых нет. И как многие наши молодые современники, Ксенофонт оказался знаком с Сократом, но мало что сократического вынес из встреч с ним». Вместо этого он оказался смел и находчив. Он размышлял об истинном счастье, «но не больше американцев ломал над этим голову. Он хотел прагматических ответов, а не туманных пределов».

---

16. См. об этом подробнее: предисловие к настоящей публикации.